

дорожная провизия... Немного икры, рябчики, телятина, масло, яйца и другая хурда-мурда. И парочка красного, Мутон-Ротшильд...»

Появление Воланда у Степы Лиходеева в «Мастере и Маргарите» поразительно — в целом и в деталях — похоже на эту сцену. Оно похоже так, как если бы купринская сцена была у Булгакова перед глазами или в памяти и отвечала на вопрос: каким образом должен появляться сатана у постели человека, напившегося накануне до бесчувствия. Точно так же — вкрадчивым доброжелательным приветом — будит Степу наутро после попойки незнакомец, о нездешней природе которого знает читатель, он не герой, и одет этот незнакомец, конечно же, в черное. Точно так же этот выходец из тьмы достает необыкновенные старинные часы, несущие на себе след того, «другого» времени в ином мире; у Тоффеля — брелок в виде черепа, у Воланда — алмазный треугольник на крышке. И являются они — Тоффель к Цвету, а Воланд к Степе — в одно и то же время, чуть ли не минута в минуту: на часах у первого — «три минуты одиннадцатого», у второго — «одиннадцать. И ровно час, как я ожидаю вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять...» Так же, как Тоффель, благодушно отмахиваясь, Воланд отказывается от платы за услуги по приведению клиента в надлежащее состояние. И точно так же скоропалительно, с дьявольским (в прямом и переносном смысле) проворством, но уже отнюдь без тоффелевской обходительности, выпроваживается Степа в края неизвестные. К этому нужно прибавить еще замечательное сходство интонаций двух разговоров: между персонажами, служащими в разных учреждениях, и персонажами, служащими в иных инстанциях...

Гораздо проще исчислить различия этих сцен, нежели сходство. У купринского героя нет ничего общего со Степой Лиходеевым: все беды Цвета как раз из-за того, что он, так сказать, «Добродеев». Зовут купринского героя Иваном Степановичем, и не его ли отчество стало именем у Булгакова? И выдворяется он из своего убогого жилища далеко не с теми же целями, с которыми из своего роскошного — Степа. Тоффелю нужно усладить Цвета из дому, чтобы простодушный чиновник выполнил дьявольское задание — там, в черниговском захолустье; Воланд вышвыривает Степу, потому что сатане приглянулась его квартира —

здесь, в Москве. Характеры персонажей, жилищ и целей как бы вывернуты наизнанку, зеркально противопоставлены друг другу.

История с наследством, требующим немедленного вмешательства Цвета, — антураж, сатанинские козни, прикрывающие подлинные намерения нечистой силы. Иван Степанович Цвет, наделенный счастливым даром разгадывать ребусы и криптограммы, становится орудием в руках Тоффеля, которому позарез нужна разгадка некоего шифра, оставшегося недоступным нескольким поколениям чернокнижников. Цвет нечаянно, как бы походя, разгадывает дьявольский шифр — и неведомо для себя становится обладателем страшной силы: все его желания немедленно исполняются. Булгаковский Мастер, мы помним, тоже совершает некое угадывание — «О, как я угадал! О, как я все угадал!» Но угадывание Мастера — результат не черной магии, а светлого творческого усилия, направленного на загадочную историю вечного антагониста сатаны... «Перевооруживание», переименование смыслов купринского рассказа продолжено.

Попутно заметим, что во время расшифровки Цвет бессознательно манипулирует алхимическими аксессуарами, среди которых — «шар величиною в крупное яблоко из литого мутного стекла или из полупрозрачного камня, похожего на нефрит, опал или сардоникс». Затем этот шар «раздался до величины арбуза. Внутри его ходили, свиваясь, какие-то дымные сизые густые клубы, похожие на тучи во время грозы, и зловещим кровавым заревом освещал их изнутри невидимый огонь». Это похоже не только на тучи во время грозы, но и на глобус Воланда, способный увеличиваться, и мы помним, что означало озаряющее его кровавое зарево...

Кажется, что и встреча булгаковского Мастера с Маргаритой в сцене, где кроме персонажей участвуют еще и цветы, и столь памятной, что цитировать ее, по видимому, нет надобности — эта встреча тоже представляет собою вывернутую наизнанку, зеркально отраженную сцену из купринского рассказа.

«Иван Степанович вошел в вагон. Окно в купе было закрыто. Опуская его, Цвет заметил как раз напротив себя, в открытом окне стоявшего встречного поезда, в трех шагах расстояния, очаровательную женскую фигуру. Темный фон сзади нее мягко и рельефно, как на